

ФИЛОСОФСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РИТУАЛА: РИТУАЛ КАК ЯЗЫКОВАЯ ИГРА

Исследуется феномен ритуала с точки зрения философского познания. В процессе рассмотрения проведено различение категории ритуала и смежных с ней категорий обряда и церемонии. В качестве наиболее эффективного подхода к изучению ритуала указывается его рассмотрение через понятие «языковая игра».

Ключевые слова: ритуал; обряд; церемония; языковая игра.

Долгое время ритуал не воспринимался как возможный объект для философского анализа и исследования, что было связано с представлениями о нем, как об относящемся к области религиоведения или этнографической науки. Еще одним фактором пренебрежительного отношения к ритуалу стало представление о нем как о чем-то архаическом, иррациональном, а следовательно, не подлежащем объективному рассмотрению. Ситуация изменилась, когда исследователи начали заниматься проблемами мифологического сознания и мифотворчества, которые рассматривались как симптомы современного мира. Ритуал начинают рассматривать с точки зрения психоанализа, социологии, языкознания, лингвистики, социальной философии и т.д. В результате узкодисциплинарный подход к пониманию ритуала остался в прошлом, но не смотря на подъем интереса к этой проблематике, феномен ритуала все равно остается на периферии изучения философских наук и затрагивается лишь вскользь или в соотношении с мифологическим сознанием. Таким образом, в рамках данной статьи мы постараемся дать представление о том, каким образом можно определить ритуал в современном философском дискурсе.

Но исследование ритуала, вне конкретного исторического контекста, имеет свои сложности. Прежде всего, необходимо понять, что мы вкладываем в понятие «ритуал». Для этого следует провести разграничение ритуала от близких ему по смыслу категорий, таких как «церемония» и «обряд». Все эти понятия в самом общем смысле означают некоторую повторяемую последовательность действий, которая для ее акторов имеет некоторое особое, «сакральное» значение.

В научной литературе также нет четкого разделения этих категорий, хотя попытки и предпринимались¹. Если обратиться к этимологии слова «ритуал», то существует два возможных источника. Первый относит нас к санскриту. «Слово “ритуал” пришло к нам из санскрита, в котором есть корень “ар” – «приводить в движение, двигаться». Причастие от этого глагола «рита» как прилагательное означает «соответствующий, подходящий, правильный», как существительное – «закон», «порядок», «истина», «священный обряд» и «жертвоприношение» [1]. Второй источник указывается в большинстве словарей. Слово «ритуал» произошло от лат. «ritus», что означает «имеющий отношение к религиозной церемонии». Но какую бы из предложенных версий мы ни взяли за основу исследования, неизменным останется то, что уже в своем первоначальном значении в слово ритуал вкладывается, прежде всего, религиозный смысл. Хотя в современном языке все уже не столь однозначно.

Если обратиться к европейским языкам, то обряд и ритуал фактически имеют один и тот же корень (в англ. языке «ritual» и «rite», в нем. языке «ritual» и «ritus»

соответственно). В русском языке разница между понятиями «обряд» и «ритуал» более очевидна. Слово «обряд» произошло от славянского «об-радъ» (ряд), фактически это означает ряд действий; таким образом, эта категория в своем изначальном значении не имеет отношения к религии и, следовательно, к переходу в сакральное пространство. Хотя подобное различение в этимологии усматривают и в европейских языках. Так, например, в английском языке дается версия того, что обряд как «rite» отсылает в своей этимологии к приставке – re(i)- «to count, number». И тогда оно соотносится со значением, данным в русском языке.

Этот же вывод подтверждают дефиниции, которые даются в научной литературе. Целью обряда является «с помощью символов и символических действий выразить, передать, закрепить традиционные для какого-либо общества, класса, социальной группы идеи, идеалы, нормы, ценности, образцы жизнедеятельности, вызвать у его участников соответствующие чувства, настроение, морально-психологическую атмосферу, способствующую усвоению социального опыта, который передается посредством данного обряда» (цит. по: [2]). Следовательно, обряд может быть простой формальной последовательностью действия, которую человек выполняет или по привычке, или в силу традиции. Приведем в пример празднование современной Пасхи – в России ее отмечают многие, но смысл окрашивания яиц или символику пасхального угощения знают лишь немногие. Соответственно, для многих пасхальная трапеза становится обрядом, смысл которого они не знают, но, тем не менее, исполняют, отдавая дань традиции, в то время как ритуал подразумевает не просто выполнение некоторой последовательности обрядовых действий, но еще и знание их символического смысла. Таким образом, ритуал с необходимостью связан с таким понятием, как символ. Также если привести еще одно сравнение ритуала и обряда, можно сказать, что обряд есть форма, а ритуал – это слитность формы и содержания. Ритуал ровно настолько обладает смыслом, насколько в него верят все его участники. Вера в реальность символических действий – необходимое условие существования ритуала, но не обряда.

Также ритуал есть приобщение к некоей сверхреальности, часто божественной. Именно поэтому ритуал обладает сакральностью как одним из модусов своего сосуществования, в то время как через обряд происходит приобщение, но не к сверхреальности, а к членам социальной группы. Посредством ритуала это также происходит, но является лишь некоторым следствием, имеющим не основополагающий характер, в то время, как для обряда – это самоцель. То есть если вернуться к примеру с Пасхой, то те, кто окрашивает яйца, по сути стремятся к единению с другими людьми, но не к приобщению к сакральному.

Далее мы рассмотрим такую категорию, как «церемония», которая является разновидностью обряда и обладает всеми его характеристиками, но при этом носит более торжественный характер. Также церемония в наименьшей степени связывается в сознании людей с религиозной сферой (так, например, существуют церемония инаугурации, чайная церемония, свадебная церемония и т.д.).

В каком-то смысле можно сказать, что обряд есть форма ритуала, не отражающая его сути. Или другой вариант, более отвечающий задачам нашего исследования, обряд есть один из элементов ритуала, и в этом случае последний делится на две составные части: первая – обрядовая, когда происходит приобщение к сообществу, и вторая – внутренняя, когда идет приобщение к сверхреальности и члены сообщества объединяются вместе неким священным символом, обладающим сакральным значением.

Также еще одним способом различения может служить то, что ритуал есть действие индивидуальное, он требует личной работы человека, даже если осуществляется в толпе, в то время, как обряд не полагает за собой ничего иного, кроме как действий, имеющих несакральный смысл для определенной группы людей или определенного человека. Хотя следует отметить, что в этнографии и культурологии обряд и ритуал имеют синонимическое значение.

Таким образом, достаточно очевидно, по какой причине ритуал связывают именно с религиозной деятельностью, так как он позволяет перейти от профанного мира к сакральному, т.е. приобщиться к божественному. Но современная философия рассматривает ритуал куда шире. Ритуал в ее рамках также разделяет мир на сакральное и профанное, но уже не в сфере религиозного, а в сфере социального, общественного, может быть, даже политического. Сохраняется дух ритуала, но не его изначальный смысл.

Следовательно, основными функциями проведения ритуала является поддержание целостности и устойчивости сообществ людей, которые должны быть объединены не только общностью действий, которая достижима уже на уровне обряда или церемонии, но и общностью некой идеи. И таким образом, когда группа людей пытается стать автономной или подчеркнуть свою независимость и отличность от остального сообщества, она обычно закладывает в свои действия некоторую обрядовость, но ритуальность при этом может и не проявиться.

Также, когда мы говорим о сложностях при исследовании ритуала, необходимо учитывать, что представление о ритуале отличается для того, кто находится внутри ритуального пространства, и для исследователя ритуального действия. Соответственно, исследование ритуала как объекта даст абсолютно иные результаты, которые будут поверхностны. Более того, знание, полученное в результате рассмотрения ритуала с этой точки зрения, будет носить узконаправленный характер свойственный всем частным наукам, что не позволит понять саму суть ритуала, оставаясь в границах онтического познания. Философия и ее методы позволяют избежать этих ограничений, одновременно заставляя нас рассматривать ритуал как он есть сам по себе. Так-

же она позволяет синтезировать знания, полученные частными науками, для выстраивания единого горизонта понимания феномена ритуала. Но философия предлагает достаточно много способов для изучения явлений, следовательно, следующей задачей является выбор той методологии, которая в наибольшей степени будет соответствовать выбранному нами предмету. Если бы ритуал оставался в узких рамках этнографических и религиозных реалий, то выбор был бы достаточно очевиден, т.к. наблюдалось бы конкретное историческое преломление того или иного ритуализированного действия. И ритуал в этом смысле достаточно широко исследован М. Элиаде, В.Я. Проппом и др. Но XX в., как уже говорилось выше, внес свои коррективы. Теперь ритуалом называют достаточно широкий спектр явлений общественной жизни. Зачастую это является следствием смешения тех понятий, о которых мы говорили в начале статьи. Тем не менее следует признать, что ритуал сегодня есть не только религиозное действие, его границы гораздо шире, следовательно, и метод исследования должен быть более универсальным. Мы предлагаем исследовать ритуал как языковую игру².

В философский дискурс это понятие ввел Л. Витгенштейн. «Языковой игрой» я буду называть также единое целое: язык и действия, с которыми он переплетен» [3. С. 105]. Этим определением подчеркивается особый характер языка, обладающий определенными правилами, которые характерны для категории игры, и одновременно возможность множественности смыслов, т.е. игра, несмотря на установленные правила, без которых она не существует, каждый раз может быть переиграна по-новому. Игра, как ее определил И. Хейзинга, есть «...добровольное действие либо занятие, совершаемое внутри установленных границ места и времени по добровольно принятым, но абсолютно обязательным правилам с целью, заключенной в нем самом, сопровождаемой чувством напряжения и радости, а также сознанием «иного бытия», нежели обыденная жизнь» [4. С. 41]. И все характеристики, которые перечислены в этом определении, соответствуют уже ранее упомянутыми нами. Здесь и выход за рамки обыденной жизни, и неутилитарность поставленной цели, и ограниченность во времени и пространстве. Ритуал есть игра, где каждый участник в рамках ограниченного пространства принимает на себя роль актора регламентированных действий. То есть ритуал задает некоторые правила участникам и пространству своей актуализации.

Также следует отметить, что, говоря о языковой игре, мы подразумеваем под языком не только нечто написанное или сказанное и не ограничиваем ее сферой лингвистики и языкознания, но относим к ней все элементы, которые способствуют установлению коммуникации. Языком ритуала будут служить и некоторые действия, и жесты, и даже мимика. Все это будет являться частью языковой игры. Причем целью этой игры является не только приобщение к сакральному, но и способ познания. Ритуал есть иррациональная и непосредственная форма познания мира, и передача смыслов происходит не вербально, а через некоторую последовательность действий-символов. То есть ритуал выстраивает собственное семантическое пространство,

и в этом смысле является текстом с изначально заданными кодами. Таким образом, в ритуальном пространстве используется несколько языков, каждый из которых требует отдельного изучения и интерпретации. Это многоязычие ритуала дополняется еще одной, не менее важной для понимания семиотичности ритуала стороной, «которая связана с интенсификацией средств выразительности, т.е. более полным (по сравнению с повседневным) использованием возможностей каждого из применяемых языков» [5. С. 145].

Далее ритуал как язык имеет некоторые идеальные схемы, которые в реальности могут претерпевать определенные изменения. Соответственно, изучая ритуал как языковую игру, можно рассматривать два измерения. Во-первых, через исследование идеальных схем, а во-вторых, практическое проявление языковых игр, которые каждый раз разные в зависимости от добавившихся коннотаций. Во втором случае исследование носит уже более конкретный характер, поэтому мы сосредоточимся лишь на идеальной схеме языковой игры ритуала, которая может обладать определенными правилами на трех основных уровнях: синтаксическом, семантическом и прагматическом.

Синтаксический уровень – это, по сути, обряд, как мы его определили в начале статьи. То есть та часть ритуала, которая эксплицируется через последовательность действий, совершаемых акторами по установленным заранее правилам. И именно этот уровень можно рассматривать, как идеальную языковую схему. Таким образом, синтаксический уровень ритуала можно обнаружить в рукописных источниках, которые описывают то, «как должно быть».

Семантический уровень исследования ритуала рассматривает то значение, которое закладывается в ритуал, т.е. связь актора со сверхреальностью, которая достигается с помощью ритуала. Причем в идеальной схеме должна быть однозначность смысла обращения и последующего ответа. Но специфика объекта нашего изучения не позволяет говорить о некоторой идеальной схеме, т.к. достижение перехода от профанного к сакральному не может быть однозначно эксплицируемым.

Прагматический уровень позволяет исследовать то, как ритуальное действие в качестве системы знаков соотносится с актором в конкретной ситуации. И с этой точки зрения прагматический уровень изучается этнографией. Также под прагматическим уровнем изучения ритуала можно понимать все те внешние условия, которые влияют в конкретной ситуации на идеальные схемы семиотического и синтаксического уровня ритуального действия.

Но что отличает ритуал от всех остальных языковых игр? Если обратиться к концепции О. Розенштока-Хюсса и к его разделению языка на три уровня – не-

формальный обиходный, формальный и доисторический, – то языковая игра ритуала происходит именно на формальном уровне, который, по мнению О. Розенштока-Хюсса, и отличает язык человека от доисторического языка животных, и только человек приобщается к вечности посредством ритуала. «Язык делает нас, бабочек-однодневок, как бы частями великого Человека, проходящего сквозь времена» [6. С. 140]. Исследователь доказывает, что лишь в ритуальном действии мог появиться язык, отличный от языка животных и жестикологии. «Ритуал создает подлинную основу устойчивости языка. Человеческий артикулированный язык возникает там, где люди проходят инициацию или где умерших предают земле, ибо эти пожизненные установления и предписания ставят подлинные задачи перед теми людьми, которые пытаются положить конец войне, чрезвычайному положению, упадку или революции» [6. С. 133–134].

Формальный язык – язык ритуала – всегда ведет к объединению людей в единое историческое поле и пространство. Соответственно, языковая игра ритуала должна быть понятна любому человеку, включенному в нее, т.к. обращается к символическому универсуму и нашему подсознанию. Результат обыденной языковой игры нельзя предсказать, в то время как ритуал, являясь строго формализованной конвенцией, направлен на определенный результат, который заложен изначально. Непонимание языковой игры ритуала может быть у наблюдателя, который не включен в ритуальный процесс. Участники ритуального действия понимают его или интуитивно, т.к. способы расшифровки, содержащегося в нем послания содержатся в контексте, или с помощью посредника (жреца, священника и т.д.). Задача исследователей в таком случае состоит в том, чтобы эксплицировать те правила и конвенции, согласно которым происходит языковая игра ритуала. Но для решения этой задачи необходимо выделить универсальные структуры, лежащие в основе ритуального действия. Решением этих проблем занимаются в рамках философии языка. Исходя из вышесказанного, исследование ритуала как языковой игры невозможно без дискурс-анализа, который позволяет достигнуть целостности в понимании изучаемого феномена, но одновременно требует рассмотрения ритуала в зависимости от конкретного общественно-исторического дискурса.

Подводя итог, можно сделать вывод, что ритуал в современном мире обретает новое значение и смысл, и, следовательно, изучать его необходимо с новых позиций. Одним из современных подходов к изучению ритуала является его понимание через категорию «языковая игра», что позволяет преодолеть недостатки узкодисциплинарного подхода и выработать новое понимание феномена ритуала.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Так, например, Е.В. Яговдик разделяла обряд и ритуал по принципу часть – целое. «Обряд представляет собой совокупность символических стереотипных действий, которые воплощают в себе идеи, представления, нормы и ценности и вызывают определенные коллективные чувства. Ритуал является системой, объединяющей обряды для реализации процесса регламентации общественного мироустройства, выступает формой строго установленного порядка обрядовых действий» [7. С. 14]. Таким образом, ритуал становится некоторым структурирующим и систематизирующим фактором для совокупности обрядов. Этот подход отражает цель исследователя, который стремился разобрать ритуал, прежде всего, с точки зрения социальной функции. Однако, на наш взгляд, при подобном рассмотрении, достаточно популярном в исследовательских кругах, теряется понимание сущностного различия обряда и ритуала, т.к. ритуал в таком значении утрачивает свою функцию выхода в про-

странство трансцендентного и сакрального и, следовательно, действительно становится синонимичным обряду как канону, утверждающему некоторый порядок действий.

² Следует отметить, что в научном дискурсе соотношение ритуала и игры не является однозначным. Для некоторых исследователей эти два понятия синонимичны (так, например, С.С. Аверинцев определял ритуал как «игру с архаическим мифомышлением»). Но есть и диаметрально противоположная точка зрения. Так Э. Берн четко разделял понятия игры и ритуала. Ритуал он считал «простейшей формой общественной деятельности», «стереотипной серией простых дополнительных трансакций, заданных внешними социальными факторами» [8. С. 186]. Игра же, по его мнению, намного более сложная форма общественной деятельности, это «серия следующих друг за другом скрытых дополнительных трансакций с четко определенным и предсказуемым исходом» [8. С. 203]. А.К. Байбурин также разделял эти две категории, утверждая, что «игра и ритуал существовали на протяжении всей истории человека, являясь двумя основными разновидностями условного поведения. И уж если рассматривать их соотношение в диахроническом плане, то скорее игра предшествует ритуалу как имитация событий, которые затем могут приобрести сакральный смысл. Другое дело, что сфера игры могла пополняться из ритуального фонда культуры, но в любом случае ритуал – отнюдь не единственный источник игры» [5. С. 147]. Но в рамках нашего исследования более эвристично понимать игру в более широком смысле, как ее определял И. Хейзинга.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Клопыжникова А.А.* Ритуал как кодификация обряда // Электронное научное издание «Аналитика культурологии». М., 2009. URL: <http://analiculturolog.ru/old/index.php?module=subjects&func=viewpage&pageid=624> (дата обращения: 10.05.2010).
2. *Костоусов Н.С.* История России в традициях, праздниках, обычаях и ритуалах (на примере Министерства внутренних дел) // Образование: исследовано в мире // Электронное научное издание «Международный научный педагогический Интернет-журнал с библиотекой-депозитарием». М., 2000. URL: <http://www.oim.ru> (дата обращения: 10.05.2010).
3. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Философские работы. М.: Наука, 1994. Ч. 1. С. 80–130.
4. *Хейзинга И.* Homo ludens / Пер. с нидерл. и примеч. В.В. Ошиса; Общ. ред. и послесл. Г.М. Тавризян. М.: Прогресс-Академия, 1992. 458 с.
5. *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / РАН, Музей антропол. и этнограф. им. Петра Великого (Кунсткамера); Отв. ред. Б.Н. Путилов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.
6. *Розенток-Хюсси О.* Избранное: Язык рода человеческого. М.; СПб: Университетская книга, 2000. 608 с.
7. *Яговдик Е.В.* Трансформации ритуала в культурно-эволюционном процессе (философско-культурологический анализ): Дис. ... канд. филос. наук. Белгород, 2005. 134 с.
8. *Берн Э.* Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы / Пер. с англ.; Общ. ред. М.С. Мацковского; Послесл. Л.Г. Ионина, М.С. Мацковского. М.: Прогресс, 1988. 399 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 3 мая 2010 г.